

Как мы поём нашу глупую песенку.

(И продолжим петь глупую песенку)

— Джипси Бард

Жун Юэ попрощался с Си Му и вышел из магазина.

Под удивлёнными взглядами прохожих он изо всех сил бежал вперёд. Ему нужно было бежать, только так его друзья могли появиться. Крылья феи замерли в воздухе, а слёзы Счастливого Принца утопили сороку.

Голые ветви деревьев наклонились, сорвав с его шеи серый шарф, но он этого не заметил, словно убегал от голодного волка, не щадя себя.

Когда он добежал до лужайки, его нога подвернулась, и он упал прямо в зимние цветы.

Однообразные цветы распускались в унылую зиму.

Жун Юэ понимал их красоту.

Упав на землю, он просто перестал двигаться, лежал тихо, а цветок беззвучно распустился, качаясь рядом с его головой. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул.

Затем он отломил рядом сухую ветку и крепко сжал её в руке.

Когда его мысли немного прояснились, он, волоча больную ногу, пошёл домой.

Он остановился у ворот своего двора. У их двери стояла женщина, довольно привлекательная, одетая как богатая особа.

Увидев Жун Юэ, она взглянула на его лицо и с отвращением сказала:

— Ты выглядишь точно так же, как она. Это отвратительно.

Жун Юэ молча смотрел на неё.

Он видел эту женщину дважды. В первый раз его мать держала его за руку, наблюдая, как она поцеловала отца в щеку. Во второй раз она появилась у их дома, чтобы похвастаться перед ним, а затем отец увёл её.

Её звали Хэ Юнь.

Белоснежное облако на горизонте украло драгоценное сокровище его матери.

— Что тебе нужно? — холодно спросил Жун Юэ.

Хэ Юнь усмехнулась:

— Жун Хуай принадлежит только мне. Не мог бы ты уйти и вернуть его мне?

Жун Юэ повернул шею в стороны, затем медленно подошёл к ней. Хэ Юнь, глядя в его холодные глаза, ничуть не испугалась. Жун Юэ остановился перед ней, поднял лицо и тихо произнёс:

— Дешёвая краска, низкого качества. С чем ты можешь сравниться с моей матерью?

Хэ Юнь ненавидела, когда её сравнивали с той женщиной, и сразу же ударила его по лицу. Её ладонь хлопнула по щеке Жун Юэ, раздался звонкий звук.

Долго сдерживаемый гнев Жун Юэ наконец взорвался. Он бросился на неё, желая ударить. Но он был слишком слаб, и Хэ Юнь, схватив его, отшвырнула в сторону. Жун Юэ упал на траву, как сломанная игрушка, но в момент, когда его отбросили, ветка, которую он держал в руке, поцарапала лицо Хэ Юнь.

Хэ Юнь почувствовала боль на щеке, а затем заметила, как потекла кровь.

— Проклятый мальчишка!

Она подошла и наступила на его руку.

— Ах! — закричал Жун Юэ, его лицо исказилось от боли.

Когда она собиралась продолжить свои издевательства, её остановил голос:

— Хэ Юнь!

Хэ Юнь подняла голову. Жун Хуай уже вернулся домой. Увидев происходящее, он в панике подбежал, оттолкнул Хэ Юнь и поднял Жун Юэ на руки.

Жун Юэ, увидев Жун Хуай, разрыдался и бросился в его объятия.

— Ах! Ах! — он плакал от отчаяния, не зная, от боли ли в теле или от мучивших его воспоминаний.

Хэ Юнь, прикрывая рану на лице, вдруг тоже почувствовала обиду:

— Жун Хуай! Этот ребёнок...

— Убирайся! — Жун Хуай поднял Жун Юэ, его глаза горели огнём, желающим уничтожить того, кто стоит перед ним. — Не показывайся мне больше на глаза!

Хэ Юнь на мгновение замерла:

— Я...

Жун Хуай оттолкнул её и унёс Жун Юэ в дом.

Жун Юэ уже перестал плакать, но его тело всё ещё дрожало, свернувшись в клубок.

Жун Хуай не мог разглядеть его выражение лица, но увидел распухшую ногу и запястье и сразу же пошёл за лекарствами, чтобы обработать раны.

— Все эти раны — она сделала? — спросил он, доставая лекарства, его руки дрожали.

Жун Юэ не ответил, лишь его глаза становились всё пустее.

Жун Хуай вдруг вспомнил лицо Жун Юэ, когда его жена только что умерла, — безжизненное и пустое. Он опустил голову, его руки дрожали, и он старел на глазах.

Боже, если это наказание за мои ошибки, ты уже забрал у меня жену. Пожалуйста, сжался надо мной сейчас, не забирай моего сына.

Жун Юэ был как в той песне — внутри хрустального шара, перекатываемого руками мастера.

Беспокоился не только Жун Хуай, но и Шэнь Мянью, находившийся далеко в городе Лунчэн.

С того дня, как Жун Юэ сам нашёл его однажды, он словно исчез с лица земли — не искал его, не отвечал на сообщения, а звонки заканчивались сигналом выключенного телефона.

Он не выдержал и позвонил домой Жун Юэ.

Телефон взял Жун Хуай.

— Дядя, я хочу поговорить с Жун Юэ, — осторожно сказал Шэнь Мянью, боясь услышать ужасный ответ с той стороны.

Шэнь Мянью ждал, но в ответ была лишь тишина, лишь тяжёлое дыхание напоминало, что на другом конце провода кто-то есть.

Его тревога усиливалась, он сжал свою одежду.

— Прости, — произнёс Жун Хуай всего три слова и повесил трубку.

Рука Шэнь Мянью ослабла.

Расстояние между городом Лунчэн и городком Лунцзин было не таким уж большим. Шэнь Мянью взял рюкзак, вышел из дома и купил билет на автобус до Лунцзина. Пересадка с автобуса на маршрутку заняла у него более четырёх часов, но он наконец добрался до дома Жун Юэ.

Придя, он увидел Жун Юэ, сидящего во дворе. Он облокотился на голое дерево, его руки и ноги были перевязаны бинтами, а глаза были пустыми.

Шэнь Мянью открыл калитку, подбежал к нему и осторожно присел перед ним.

— Жун Юэ.

Жун Юэ поднял на него взгляд, в его глазах была непроглядная тьма.

— Эй, — Шэнь Мянью слегка щипнул его за щёку.

На лице Жун Юэ были ссадины, и от прикосновения он вздрогнул.

Шэнь Мянью больше не осмеливался трогать его.

Жун Юэ просто смотрел на него.

Сердце Шэнь Мянью сжалось, и он спросил:

— Можно я тебя обниму?

Жун Юэ медленно кивнул.

Шэнь Мянью осторожно подстроился и обнял его.

— Как ты дошел до такого состояния?

Жун Юэ не ответил, лишь закрыл глаза, ощущая его тепло.

Когда Шэнь Мянью уже собирался отпустить его, снаружи послышались голоса ссоры.

Это был голос Жун Хуая, и, что было редкостью, он был полон гнева:

— Я сказал, чтобы ты больше не приходила! Если ты снова тронешь моего сына, я подам на тебя в суд!

— Нет! Ты должен любить меня! Ты должен ненавидеть это лицо, оно выглядит точно так же, как у неё! Ты тоже должен ненавидеть его!

— Ты! — Жун Хуай был вне себя от ярости, но его слова оборвались, когда он увидел Шэнь Мянью во дворе и обнимаемого им человека.

Жун Юэ крепко обнял Шэнь Мянью за шею, не желая отпускать.

Шэнь Мянью сжал губы, тоже крепко обняв его.

Жун Хуай тут же подбежал, удивлённо глядя на Шэнь Мянью:

— Ты... когда ты приехал?

Шэнь Мянью знал, что не может сказать, что приехал специально из-за беспокойства за Жун Юэ, поэтому нашёл отговорку:

— Моя мама что-то забыла, я приехал забрать это и случайно увидел Жун Юэ во дворе. Как он получил эти травмы?

Услышав их разговор, Шэнь Мянью уже понял, откуда взялись раны Жун Юэ, но он намеренно хотел уколоть Жун Хуая и сказать это женщине.

Жун Хуай сказал ему подождать, затем вышел и увёл ту женщину.

Стояла зима, и даже при ярком солнце холодный ветер заставлял дрожать.

Шэнь Мянью отнёс Жун Юэ в дом, нашёл горячую воду и налил ему чашку. Жун Юэ почти машинально начал пить, а Шэнь Мянью протянул руку, чтобы поправить его растрёпанные волосы:

— Ты вырос, стал тяжелее, я, кажется, уже не могу так легко поднять тебя.

Жун Юэ поставил чашку и, глядя на него несколько секунд, наконец нашёл свой голос:

— Правда?

— Да, — Шэнь Мянью мягко погладил его по щеке. — Я звонил тебе несколько раз, почему ты не отвечал?

• Песня в начале главы содержит строку на китайском: "Еще петь глупую песенку" — перевод "И продолжим петь глупую песенку"

- Авторское примечание о Gypsy Bard сохранено и переведено

<http://bllate.org/book/16180/1451398>